

КОНСТАНТИН
СИМОНОВ

ВОПРЕКИ ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ

(Заметки на полях
одной рецензии)

В прошлом году нью-йоркское издательство «Даблдей» выпустило в переводе на английский язык мой роман «Живые и мертвые». Благодаря любезности издательства, регулярно присылающего мне вырезки из американских газет и журналов, я имел возможность познакомиться с довольно широким кругом статей и рецензий, появившихся в американской печати.

Я не собираюсь заниматься обзором их — вряд ли это дело автора. Не собираюсь и пускаться в обсуждение художественных достоинств и недостатков моего романа. Я удовлетворен тем, что издательство «Даблдей» выпустило мою книгу в полном и добросовестном переводе, и таким образом американские читатели имеют возможность сами судить о моей книге — такой, какая она есть.

Есть рецензии, в которых художественная сторона романа оценивается довольно высоко. В большинстве рецензий в разных пропорциях содержатся и похвалы и упреки. Попадают и такие, как рецензия в «Нью-Йорк геральд трибюн букс», согласно которой художественная ценность романа равна нулю.

Если бы меня интересовала эта сторона дела, очевидно, мне бы предстояло полемизировать с автором именно этой рецензии. Но в данном случае эта сторона дела меня мало интересует, не говоря уже о том, что автор, стремящийся доказать, что он талантливее, чем кажется рецензенту, ставит себя в смешное положение.

Я взялся за перо потому, что меня интересует другая сторона дела, а именно — политическая. И с этой точки зрения мне

хотелось бы остановиться на напечатанной в «Нью-Йорк таймс бук ревью» рецензии известного американского журналиста Гаррисона Солсбери, которая называется «Народ все вынес».

Тон рецензии господина Солсбери по отношению ко мне как писателю, в узкопрофессиональном смысле, пожалуй, можно назвать вполне лояльным.

Но более широкий, главный, политический смысл этой рецензии (а эта рецензия прежде всего — политическая) заставляет меня кое-что сказать на тему о том, чем была та война, которую вела моя страна против фашизма, и как, кем и почему она была выиграна.

В сущности, моя книга и есть ответ именно на эти вопросы. Избрав для ответа форму романа, я отвечал на них как участник войны, как офицер нашей армии, как коммунист — отвечал, исходя из своего жизненного опыта и своих взглядов на жизнь.

Для меня, писавшего свою книгу с совершенно определенных идейных позиций — с позиций человека, уверенного в правильности оценки, данной XX съездом партии этому периоду нашей истории, — отнюдь не безразлично, когда находящийся по ту сторону океана критик моей книги, исходя из своих идейных позиций, прямо противоположных моим, пробует прочесть в ней не то, что в ней написано, а то, что ему хотелось бы в ней прочесть. Мне это тем более не безразлично, что упорные попытки подставить вместо авторской свою собственную, прямо противоположную концепцию в последнее время характерны для многих зарубежных статей о советских военных книгах.

Гаррисон Солсбери назвал свою рецензию «Народ все вынес». Если взять этот заголовок сам по себе, оторванно от содержания рецензии, то полемизировать с ним, казалось бы, не приходится. Наш народ в годы фашистского нашествия действительно все вынес. Вынес и победил, на полях войны сломав хребет германскому фашизму еще до того момента, когда союзники высадились в Нормандии.

Я не хочу приуменьшать ни значения нашего союза против фашизма в годы войны, ни доблести американских, английских, французских солдат армии вторжения, ни их жертв или готовности к жертвам. Я просто комментирую заголовок рецензии госпо-

дина Солсбери — «Народ все вынес». Ибо сами эти слова «Народ все вынес» включают тот факт, что к лету 1944 года он уже вынес на своих плечах всю основную тяжесть вооруженной борьбы с фашизмом в Европе.

В целом ряде статей в американской печати, связанных с моим романом, с полным уважением сказано о том, что было сделано нашим народом во время войны. В одной из рецензий сказано, что «если бы нам больше не за что было благодарить советский народ, его защита родины от фашистских захватчиков все равно оставила бы нас в тысячелетнем долгу перед ним. Потому что именно его борьба сломала шею фашизму». В другой сказано, что читатель, «закрывая книгу, понимает, что, хотя основные битвы еще были впереди, победа немцев немислима».

Есть близкие к этому высказывания и в других рецензиях, и я не вижу причин скрывать, что каждое такое высказывание американцев о нашем народе доставляет мне моральное удовлетворение.

Однако если сопоставить название статьи Гаррисона Солсбери «Народ все вынес» с ее основным смыслом, то нетрудно убедиться, что название это в данном случае — полемическое. А смысл статьи состоит в том, чтобы противопоставить советский народ коммунистической партии и попытаться доказать, что Россия победила в этой войне не благодаря тому, что у руководства страной стояла коммунистическая партия, а «вопреки» этому.

Господин Солсбери и не скрывает основного пафоса своей статьи; он прямо так и пишет: «Переверачивая последнюю страницу этой гневной и красноречивой книги, читатель ясно понимает, что Россия была спасена не благодаря своей коммунистической системе, а вопреки ей. Ее спасли русские мужчины и женщины, которые во все исторические периоды отличались терпением, патриотизмом, выносливостью. Потoki их добровольно проливаемой крови и остановили, в конце концов, нацистское чудовище».

Итак, на первый план в статье господина Солсбери выплывает далеко не новая антикоммунистическая идея противопоставления партии и народа.

Народ наделяется всевозможными сочувственными эпитетами: он и патристический, и выносливый, и терпеливый. Далее отмечается, что таков он был во все периоды своей истории, а затем читателям статьи предлагается сделать вывод, что не будь в России к 22 июня 1941 года коммунистической системы, то, очевидно, этот патристический, выносливый и терпеливый народ гораздо легче справился бы с немецким фашизмом.

Враждебная коммунизму направленность этой концепции не вызывает сомнений. Вызывает сомнения логика автора.

Согласно этой логике, чтобы не ходить далеко, скажем, в такой исторический период, как первая мировая война, «русские мужчины и женщины» отличались таким же патриотизмом, терпением и выносливостью,

как и во вторую мировую войну. Но хотя предпосылка остается та же — результаты что-то не сходятся. Патриотизм, выносливость и терпение в 1914 году были. Коммунистической системы, «вопреки» которой они проявляются, не было. У руководства страной стояли помещики и капиталисты. И, однако, Россия, начав войну вторжением в Восточную Пруссию, закончила ее плачевно и накануне русской революции оказалась на грани военного разгрома. А в 1941 году страна, у руководства которой стояли коммунисты, начав войну с поражения, закончила ее в 1945 разгромом германского фашизма в Берлине.

Таковы исторические факты, в свете которых от концепции господина Солсбери остаются рожки да ножки.

К сказанному можно прибавить еще кое-что, а именно, что с сорок первого до сорок четвертого года советская армия практически одна противостояла на всем европейском континенте войскам Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Италии, плюс различные военные легионы еще десятка европейских стран. И тем не менее, руководимая коммунистами Россия выстояла и победила.

А в 1914—1918 годах французы и англичане с первого дня всерьез воевали на европейском континенте, была Марна, была Сомма, был Верден; против России ни в один период войны не действовало более половины сил Германии и Австро-Венгрии, и, однако, руководимая помещиками и капиталистами, Россия к семнадцатому году пришла на грань военного краха.

Так, спрашивается, где же тут «благодаря» и где «вопреки»? Что-то у рецензента моего романа явно не сходятся концы с концами.

Да, русские мужчины и женщины всегда любили свою родину, всегда умели проявлять и терпение, и выносливость, и, добавлю, — мужество перед лицом военной опасности. Однако я склонен думать, что все эти качества проявлялись в своей полной силе в 1941—1945 годах не «вопреки», а *благодаря* тому, что народ верил стоящей у власти коммунистической партии, а сама партия была партией, не имевшей других интересов, кроме интересов общенародных, и неизменно требовала от всех своих членов — сверху донизу, без исключений — быть первыми в бою. Невзирая на лица, она не допускала никаких уклонений от этого требования, и ни одному коммунисту не было дано права первым отступить, и каждому было дано право первым подняться в атаку. Это право было одновременно его обязанностью, и советские коммунисты во время войны выполнили эту обязанность. Поэтому народ уважал их и уважал партию, членами которой они были, и пополнял собой ряды этой партии. И к концу войны она стала больше, чем была до войны, хотя миллионы коммунистов сложили головы на полях сражений.

Такой была на деле коммунистическая система, знающая, чего она хочет — а она хотела сломить шею фашизму, — и сумевшая

это сделать благодаря своей воле, твердости, организованности, благодаря единству своих целей с целями народа.

Так обстояло дело в действительности, и эту действительность — на самом трагическом для нас, первом отрезке войны — я и стремился показать в своем романе «Живые и мертвые».

У меня есть личные причины для того, чтобы стремиться показать в своих книгах силу коммунистической системы, проявившуюся в таком тяжчайшем испытании, как вторая мировая война. Я принадлежу к числу людей, вступивших в партию во время войны, в ее первый, самый тяжелый период, исходя из твердого убеждения, что мы победим не «вопреки», а благодаря коммунистической системе. Я знал, что во время войны принадлежность к коммунистической партии не освобождает человека ни от каких обязанностей, а, наоборот, увеличивает его обязанности перед родиной, и пошел в партию так же, как пошли в нее миллионы других людей, веривших, что только советский строй и коммунистическая система дадут нам возможность сломить фашизм, к этому времени уже завоевавший почти всю капиталистическую Европу.

Я русский человек, и мне дороги национальные черты моего народа. Но я далек от мысли, что, скажем, молниеносный разгром Франции в 1940 году произошел оттого, что у простых людей Франции не хватало любви к родине, или выносливости, или терпения. Наоборот, я уверен, что если бы Народный фронт Франции, душой которого были коммунисты, не был задушен реакцией еще до войны, если бы к началу войны во Франции у власти стоял он, а не те, кто стоял тогда у власти, то и там, даже при самых тяжелых поражениях, в конечном счете картина оказалась бы не такой, какой она оказалась.

То, что я скажу дальше, лишь умозрительное предположение, но я все же скажу то, что думаю. При моем глубоком уважении к силе и мужеству американского народа, я все же не знаю, что произошло бы с Соединенными Штатами, если бы фашистская Германия была не за океаном, а рядом с ними и если бы 170 вооруженных до зубов фашистских дивизий в одно страшное летнее утро 1941 года внезапно перешли на всем протяжении сухопутную границу Соединенных Штатов и вторглись в страну.

Предполагаю, что картина была бы страшной, а последствия — далеко идущими, и не убежден, что капиталистическая система Соединенных Штатов вышла бы из этого, аналогичного испытания с менее страшными потерями, чем мы. Думаю, что наоборот.

А чего нам стоила обусловленная рядом причин недостаточная готовность к войне, лежавшая на ответственности Сталина, и с какими страшными вещами все это было связано, я написал в своей книге. И, насколько я понял, читая десятки рецензий,

мои американские рецензенты, как правило, не склонны дискутировать со мною относительно меры правдивости книги в изображении трудностей, выпавших на долю нашего народа, в том числе и трудностей не только внешнего, но и внутреннего характера, которые, разумеется, тоже существовали в 1941 году.

Кстати сказать, всю несостоятельность стремления Гаррисона Солсбери в угоду своей антикоммунистической концепции выдать желаемое за действительное заметили и некоторые американские читатели романа. Это настолько любопытное явление, что я не поленился полностью привести опубликованное в «Нью-Йорк таймс бук ревью» весьма характерное в этом смысле письмо в редакцию:

«В своей рецензии на роман К. Симонова «Живые и мертвые» Гаррисон Солсбери упустил очень важную деталь. Книга вовсе не «простой рассказ об офицере, пытающемся присоединиться к своему полку, который к началу войны находился на западной границе». Это история «политрука», партийного работника в армии, оказавшегося в потоке отступающих войск летом 1941 года. Утеря документов имеет в его случае особое значение, так как, будучи «комиссаром», он в немецком плену подлежал немедленному уничтожению, поэтому свои могли заподозрить его в трусости. Это делает его положение особенно трагическим, и автор хорошо это показывает. Никто не собирается приуменьшить доблесть русских солдат, и коммунистов и некоммунистов, нельзя также отрицать, что книга Симонова дает реалистическую и даже страшную картину поражения и смятения первых дней войны, из которой Советский Союз все-таки вышел победителем, но при этом мы не должны закрывать глаза на политические и пропагандистские аспекты романа. Эманьюэл Солгеллер, Питтсбург, Пенсильвания».

Вот именно — не стоит закрывать на это глаза. Совершенно с этим согласен!

Возможно, прочитав то, что я здесь пишу, господин Солсбери все равно останется при собственном мнении, что Россия выиграла войну «вопреки» своей коммунистической системе. Люди, любящие выдавать желаемое за действительное, обычно упрямы.

Сейчас я дописываю роман о разгромах немцев под Сталинградом и не скрою, что, если впоследствии господин Солсбери обратит внимание и на этот мой роман, мне любопытно будет прочесть его мнение о том, как Россия, «вопреки своей коммунистической системе», остановив фашистов под Москвой, в дальнейшем — опять-таки «вопреки своей коммунистической системе» — разгромила их под Сталинградом.

Заранее предвкушая, какие новые чудеса логики придется проявить господину Солсбери для того, чтобы, не отступая от своей концепции, объяснить «чудо под Сталинградом».